

УДК 101.1+165.4+17.036

DOI: 10.15372/PS20240203

EDN MFIDPS

Э.В. Барбашина

ПРОТОТИПИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ И СОДЕРЖАТЕЛЬНОЕ РАЗНОБРАЗИЕ НАРРАТИВА¹

«Нарративный поворот» является одним из основных, наряду с лингвистическим, онтологическим, произошедшими во второй половине XX века. Следствием «нарративного поворота» стало применение нарративного подхода во всех областях социально-гуманитарного познания, расширительное понимание самого нарратива, невозможность категоризации нарративных исследований. Варианты различного понимания нарратива обусловлены, во-первых, областью применения: литературоведение, история, социология, психология и др. Во-вторых, содержательно-методологическим подходами: конструктивистский, натуралистический, структуралистский, постструктуралистский, герменевтический и др. В-третьих, применением его как одного из многих методов качественных исследований, основного метода, принципа исследования или же признанием нарративной парадигмы. Применение модернизированного варианта принципа «семейного сходства» (Familienähnlichkeit, Л. Витгенштейн) позволяет непротиворечивым образом объединить и структурировать многообразие нарративных исследований.

Ключевые слова: «нарративный поворот»; натуралистический и конструктивистский нарратив; «семейное сходство»; прототипический нарратив

E.V. Barbashina

PROTOTYPICAL NARRATIVE AND CONTENT DIVERSITY OF NARRATIVE

"Narrative turn" is one of the main, along with linguistic, ontological, that occurred in the second half of the twentieth century. The consequence of the "narrative turn" was the application of the narrative approach in all areas of socio-humanitarian cognition, an expanded understanding of the narrative itself, and the impossibility of categorising narrative research. The variants of different understanding of narrative are conditioned, firstly, by the

¹ Публикуется в авторской редакции.

field of application: literary studies, history, sociology, psychology and others. Secondly, content-methodological approaches: constructivist, naturalist, structuralist, poststructuralist, hermeneutic, etc. Thirdly, its application as one of the many methods of qualitative research, the main method, research principle or the recognition of the narrative paradigm. The application of a modernised version of the principle of «family resemblance» (Familienähnlichkeit, L. Wittgenstein) allows us to unite and structure the diversity of narrative research in a consistent way.

Введение

Развитие философии в XX и XXI веках характеризуется различными «поворотами»: онтологический (метафизический, неометафизический), лингвистический, нарративный, антропологический, риторический, трансцендентальный, иконический (визуальный), теологический, прагматический, интерпретационный и другие. Каждый из поворотов характеризуется не только разной степенью легитимности, но также отличается способом соотнесенности с другими областями социально-гуманитарного знания.

Онтологический, лингвистический, нарративный «повороты» в настоящее время признаны большинством исследователей, вне зависимости от согласия либо несогласия с их концептуализацией. Более того, эти три «поворота» являются содержательным фундаментом и выступают теоретико-методологическим основанием дальнейших дискуссий и даже постановки вопроса о том, «а что там за поворотом»? Наряду с этим существуют как менее, так и более спорные варианты. К первым относится риторический, антропологический «повороты». Ко вторым – теологический, пространственный, технологический и некоторые другие. Вышеприведенный перечень «поворотов» не является исчерпывающим, но даже в таком варианте он свидетельствует о разнонаправленной трансформации предшествующей философии.

«Поворот» в философии, а точнее сама возможность «поворотов», предполагает отказ (или частичную трансформацию) от предшествующих онтологических, эпистемологических, методологических, аксиологических и других оснований, и, как правило, уход от вопросов «о сущем как таковом», «о сущем особого рода» ради более лично-значимых ориентиров. Метафора «поворота» предполагает изменения не только в области теоретизирования, но и существенные изменения в практических исследованиях. Господствующая до недавнего времени формула «философии чего-либо»

заменяется обновленной формулой философского вопрошания, выраженной в метафоре «поворота самой философии [3, с. 147] и, как правило, «поворотов», происходящих в других областях социально-гуманитарного познания.

Нарративный поворот

Одним из значимых «поворотов», который изменил карту социально-гуманитарных исследований, является «нарративный поворот», а точнее его «реализация» в виде нарративного подхода в различных исследованиях, во-первых, и того, как понимается сам нарратив, во вторых. Следует подчеркнуть, что нарративный подход и понимание самого нарратива соотносятся с лингвистическим, историческим, иконическим, интерпретационным, «поворотами». Развитие нарративного «поворота» связано с лингвистическим, так как основной тезис последнего сохраняется в нарративных исследованиях. Язык – базовое, изначальное условие возможности познания и осмысленного мышления, следовательно, исследование различных социальных, психологических, когнитивных, культурологических и т. д. проблем должно осуществляться с позиции языковых лингвистических вопросов [11 р. 155]. «Нарратив» и «история», соответственно нарративный и исторический «повороты» пересекаются в том, что актуализации событий прошлого, их дискурсивное описание конституируются временем и выстраиваемой последовательностью.

Особенность «нарративного поворота», и, соответственно самого нарратива и нарративного подхода, проявляется в нескольких направлениях:

– в его содержательной, формальной, языковой соотнесенности с континентальной философией XX века;

– в его взаимосвязи с социально-гуманитарными дисциплинами, искусством и даже в выходе за пределы этого в медицину, экономику, и такие экзотические области, как этнодрама [15], портретная живопись [10];

– в широком распространении в междисциплинарном, околонаучном дискурсах;

– а также – в популярном и обыденном.

Мышление традиционно рассматривалось как инструмент разума или отождествлялось с ним, а качество мышления определялось по рационально-логическим критериям. Философия, а вслед за

ней другие социально-гуманитарные дисциплины, рассуждала о больших числах, о классах, слоях, о человеке как представителе того или иного сообщества. Однако в истории мысли развивался и другой, нарративный тип мировосприятия, который ориентирован на раскрытие человеческой уникальности, неповторимости.

Нарратив – способ вернуться в прошлое, чтобы осмыслить настоящее, чтобы «стать и чтобы быть в настоящем, а не казаться». Конечно, нарратив не единственный способ возврата к себе прошлому, существуют часы, календари, дневники прошлого и ежедневники. Однако, ни одна из этих форм, как было показано П. Рикером, не позволят переживать прошлое. Нарратив является способом мышления и способ формирования смыслов в культуре [8]. Нарратив – это и способ рассуждения, и способ представления. Люди воспринимают мир «нарративно», и также они могут рассказывать о мире нарративно [13, p. 200].

Нарратив, как способ вербальной репрезентации, настолько естественен для человеческого сознания, что предположение о том, что он может быть проблематичен, может показаться чересчур педантичным. Однако именно потому, что нарративный способ репрезентации *настолько* естественен для человеческого сознания, *насколько* является способом повседневной речи и обыденного дискурса, его применение в любой области исследования, претендующей на научный статус, должно вызывать и вызывает подозрения [17, p. 26].

Вышесказанного уже достаточно для предположения о содержательной вариативности, разнообразии характеристик нарратива, нарративного подхода, и, как следствие, о сложности его однозначного понимания. Однако ситуация усложняется в связи с тем, что нарратив достаточно долго развивался в рамках литературы, истории, философии, этнографии, психологии, теологии. А после нарративного «поворота» развитие нарратива «захватило» педагогику, социологию, терапию, изобразительное искусство, музыку и даже естественные науки. В каждой из областей социально-гуманитарного познания нарратив имеет особенности, которые определены данной конкретной областью, и, одновременно, нарративный подход определяет содержание той или иной области.

Определенная сложность существует и в ответе на вопрос о времени начала нарративного «поворота». Согласно наиболее распространенной точке зрения – это 80-е года прошлого века. Однако

в литературоведении он начинается в 60-е годы прошлого века, после перевода работы В. Проппа «Морфология сказки», и ее последующей структуралистской рецепции. И даже в случае литературоведения не все так однозначно. С одной стороны, литературоведение всегда изучало нарративы: биографии, народные сказки, эпосы и т.д. С другой, в 60-е годы прошлого века начинается «изучение нарратива ради самого нарратива», в отличие от изучения отдельных нарративов [9 р. 377-378], нарратив становится самостоятельным объектом исследования, а нарративный исследования «институализируются».

И неизбежно возникают вопросы о том, насколько корректно и методологически обосновано рассматривать нарративы как нечто общее, целое? и возможно ли это? Как они могут быть объединены, на основании каких признаков? Как могут быть сгруппированы? На каких уровнях? Как соотносится теоретические подходы и нарративные практики в столь разных областях интеллектуальной и практической деятельности?

Появление этих вопросов обусловлено той парадоксальной ситуацией, которая сформировалась в области нарративных исследований. С одной стороны, распространенность нарратива и нарративного подхода, признание значимости «нарративного подхода» для социально-гуманитарного познания, а, с другой, различающиеся варианты определений нарратива, описаний нарративного подхода не поддаются исчислению. Активное теоретическое осмысление и практическое применение нарратив, его популярность и распространенность привело к тому, что по нарративным исследованиям «опубликовано бесчисленное количество книг и статей, открыты и функционируют академические и профессиональные центры, расширяются цифровые коллекции нарративов» [6, р. 946]. И наряду с этим сохраняется содержательная и методологическая неопределенность нарратива (нарративного подхода).

Сложившуюся ситуацию можно определить в *положительном ключе*, обозначить как «методологический плюрализм». И объяснить необходимостью различать нарративные исследование в зависимости от области применения: философии, лингвистики, психологии, истории, социологии [4, с. 58–70]. Однако содержательную и методологическую неопределенность нарратива (нарративного подхода) можно определить и в *негативном ключе*, как «содержательную и методологическую вакханалию», «содержательный

и методологический беспорядок». Содержательная «слабость» нарратива проявляется как отсутствие общих существенных признаков, невозможность ответить на вопрос: «что есть нарратив?». А методологическая уязвимость, отсутствие эвристического потенциала в том, что нарративный подход функционирует и как один из многих методов, и как основной качественный метод, и как нарративный подход, и как парадигма [1, с. 57–61]. Другими словами, не ясно, каков методологический статус нарратива и какую методологическую роль он выполняет.

Наряду с полярными оценками методологического статуса нарратива и его содержательного разнообразия, причины его распространения также могут быть объяснены как «отрицательно», так и «положительно». G. Prince обвиняет сторонников нарратива в безответственности и даже в некотором страхе высказывать и доказывать свою точку зрения. Автор считает, что они используют «нарратив» вместо «аргументации» потому, что эта «более мягкая формулировка», и она не накладывает никаких обязательств в виде обоснования своей позиции. Применение «нарратива» вместо «гипотезы» и/или «теории» освобождает от необходимости соответствовать рациональным критериям. Если выдвижение гипотезы должно учитывать минимальные требования (научное основание, соответствие имеющемуся горизонту знания, дедуцирование следствий и многое другое), то нарратив свободен от этого. Использование «нарратива» вместо «идеологии» скрывает явно выраженный интерес и целеориентированность, которые подразумеваются в идеологии. В конечном итоге, отсутствие четких, ясных формулировок приводит к размыванию ответственности, потому что нарративу ее просто «не за что нести» [12, p. 45]. В отличие от негативного объяснения причин, P. Brooks связывает распространение нарратива с признанием того, что он является одним из основных способов организации опыта мира. И в течение долгого времени был незаслуженно вытеснен на периферию социально-гуманитарных исследований.

Натуралистический и конструктивистский подходы к нарративу

Спорные вопросы нарративных исследований связаны с пониманием того, что есть нарратив, с определением его методологиче-

ского статуса, и даже начала институализированных нарративных исследований. Дискуссионным также является вопрос и о видах нарратива. Наиболее распространенный способ различения современных нарративов основывается их содержательном разнообразии и связанной с этим методологией. В данном случае речь идет о конструктивистском, герменевтическом (герменевтико-феноменологическом), структуралистском, семантическом подходах. Сложность данного подхода заключается в неизбежном пересечении, то есть отнесении тех или иных авторских вариантов к разным подходам. Работы В. Лабова, Дж. Валецкого, ставшие классическими для нарративных исследований соотносятся и со структурализмом, и с конструктивизмом.

Более корректным, на мой взгляд, является разделение современных нарративных исследований на натуралистический и конструктивистский подходы к нарративу. Это, безусловно, не единственный вариант картографирования современных нарративных исследований, но его достоинства заключаются в том, что практически все варианты нарративных исследований можно свести к одному из двух оснований. К достоинствам данного деления относится его относительная простота и соразмерность.

Натуралистический подход к нарративу заключается в сведении нарратива к умственной деятельности или, как вариант, когнитивным процессом. Одним из наиболее авторитетных представителей данного направления является Дж. Брунер. Он обосновывал тезис о том, что нарратив является одним из двух фундаментальных «модусов когнитивного функционирования», одним из «двух модусов мышления, каждый из которых обеспечивает различные способы упорядочивания опыта, конструирования реальности, фильтрации мира и организации мыслительной деятельности. Дальнейшая логика рассуждений Брунера состоит в следующем. Сначала выдвигается предположение о том, что нарратив – это единственный способ описать прошлое. На следующем шаге рассуждений автор фиксирует двустороннюю взаимосвязь мимесиса между нарративом и жизнью. Другими словами, подобно тому как искусство подражает жизни (Аристотель), так и жизнь подражает искусству (О. Уайльд). Рассказ имитирует жизнь, а жизнь имитирует рассказ.

Данные рассуждения не отрицают и не принижают «логико-научный модус», который «ведет к хорошей теории, тщательному анализу, логическому доказательству и эмпирическому открытию,

основанному на аргументированной гипотезе», в то время как «нарративный способ... ведет к хорошим историям, захватывающей драме [и] правдоподобности» [5, p. 13]. Кроме того, каждый из этих способов имеет свои собственные принципы действия и свои критерии правильности. Они радикально различаются по своим процедурам проверки. Хороший рассказ и правильно построенный аргумент – принципиально разные виды [5, p. 11]. По мнению Брунера, нарратив развивается естественным образом как неотъемлемая часть нашего когнитивного механизма либо наряду с нашими логическими, лингвистическими способностями, выступая их основанием.

Еще более ярый сторонник натуралистического подхода к нарративу, М. Тернер рассматривает нарративы как первичные «умственные инструменты», «существенно необходимые для человеческого мышления... [16, p. 12], потому что «нарратив предшествует грамматике [16, p. 168] не только в индивидуальном развитии человека, но и в развитии самого языка. И это происходит благодаря тому, что эволюционный отбор наделил людей «способностью распознавать и воспроизводить небольшие нарративы» [p. 25], это «то, чем человек стал обладать вместо беспорядочного опыта» [16, p. 14]. Нарративы сформировали механизмы предсказания, оценки, планирования, объяснения происходящего [16, p. 18].

Натуралистический подход к нарративу не рассматривает его как структуру второго порядка, а как первичную функцию человеческого разума, которая является «когнитивной основой, из которой может возникнуть язык». Другими словами, нарратив, (в крайних вариантах натуралистического подхода), переходит из дискурсивной позиции в преддискурсивную и получает привилегированное когнитивное положение. Нарратив становится «источком человеческого разума: мышления, знания, действия, творчества и, возможно, даже речи [16, p. 168].

Конструктивистский подход. В отличие от предыдущего подхода, сторонники конструктивистского подхода не рассматривают нарратив как форму парадигмальных операций мышления. Нарратив формируется из постоянно актуализируемой динамической взаимосвязи между опытом и смыслом, или, как вариант, из взаимосвязи между опытом темпоральности в сознании и тем, как это постигается и репрезентируется.

Нарратив позволяет нам перепродумать, переосмысливать или даже создавать то, что мы считаем человеческим опытом прожитого

времени [7, p. 21]. Темпоральная двойственность нарратива обусловлена тем, что всегда присутствует напряжение между временем рассказываемого и временем того, о чем (или о ком) рассказывается. Различение двух темпоральностей обусловлено дискурсивными механизмами: событийной последовательностью в рассказываемом, маркерами времени, а также – последовательным представлением, если речь идет о кино, музыке.

Темпоральный подход к нарративу кардинально отличается от предшествующего, натуралистического, тем, что не связывает нарратив с процессом познания в целом. Темпоральный подход сконцентрирован на «мышлении во времени и сквозь время», на временном опыте, который следует отличать от тех повествований, которые не связаны со временем принципиальным и изменяющимся образом. Согласно рассуждениям П. Рикеру, самого известного представителя темпорального подхода, время становится человеческим в той мере, в какой оно организовано по типу нарратива; нарратив, в свою очередь, является осмысленным в той мере, в какой он отображает особенности временного опыта» [14, p. 1, 3].

Учитывая натуралистический и конструктивистский подход к нарративу, разнородный статус нарративного подхода, который варьируется от одного из методов качественного анализа до нарративной парадигмы, различия в понимании нарратива и применении нарративных практик в социально-гуманитарном познании, постоянно и неизбежно возникает вопрос о том, что же служит основанием для объединения разнопланового содержания и методологии под одной рубрикой – нарратив. Ответ, мой взгляд, может быть получен, если обратиться к метафоре «семейного сходства» Л. Витгенштейна [2] и теории прототипов Э. Рош.

«Семейное сходство» иллюстрируется примером с фотографией, на которой изображена большая семья, причем каждый человек отличается от другого полом, возрастом, стилем одежды. «Выйдя за рамки фотографии», можно продолжить, что отличается походкой, манерой поведения, манерой общения. И тем не менее, при взгляде на фотографию, становится понятным, что изображена одна семья. Этот же принцип «семейного сходства» проявляется при рассмотрении процессов, которые называются «игрой» и которые отличаются друг от друга: настольные игры, карточные игры, игры с мячом, олимпийские игры. И тем не менее, все игры «образуют семью».

Модернизированный вариант «семейного сходства» предложен в работах Э. Рош – в теории прототипов. Каждый из членов категории (член семьи на фотографии, любая игра) обладает определенным количеством признаков из ограниченного реестра, но не всеми возможными. В зависимости от качества и количества признаков член категории может относиться к ядру категории, или же располагаться на ее периферии, или же находится в зоне перехода в другую категорию. Прототипом является тот член категории, который выступает в роли образцового, то есть содержит наибольшее количество существенных (субстанциальных) и отличительных признаков, не противоречащих акцидентальным.

Применение принципа «семейного сходства» к нарративным исследованиям позволит рассматривать их содержательное и методологическое разнообразие на основе сети сходств и выявить прототипические признаки нарратива. А степень нарративности возможно будет определить в зависимости от «концентрации» прототипических признаков, их конфигурации и взаимосвязи со вторичными признаками, то есть необязательными, дополнительными.

Литература

1. Барбашина Э.В. «Нарративная парадигма» В. Фишера в контексте развития нарративных исследований // *Философия науки*. № 3. 2023. С. 57–70.
2. Витгенштейн Л. *Философские исследования* // Витгенштейн Л. *Философские работы*. Часть I / Пер. с нем. М.С. Козловой и Ю.А. Асеева. М.: Гнозис, 1994. 612 с.
3. Савчук В. В. Метафора поворота в философии // *Философские науки*. 2010. № 10. С. 135–149.
4. Троцук И.В. Нарратив как междисциплинарный методологический конструкт в современных социальных науках // *Вестник РУДН, серия Социология*. 2004. № 6–7. С. 56–74.
5. Bruner J. *Actual Minds, Possible Worlds*. Cambridge: Harvard University Press. 1987.
6. Chase S. Narrative Inquiry: Toward Theoretical and Methodological Maturity / N. Denzin, Y. Lincoln eds. *The SAGE Handbook of Qualitative Research*. Los Angeles, London, New Delhi, Singapore, Washington DC, Melbourne: SAGE Publications. 2018. P. 946–970/
7. Frassen B. Time in Physical and Narrative Structure / *Chronotypes: The Construction of Hme*, Ed. Bender J. Wellbery D., Stanford, CA: Stanford University Press. 1991. P.19–37.
8. Gudmundsdóttir S. Narrative research on school practice / *Handbook of research on teaching*. Ed. V. Richardson. Washington, DC: American Educational Research. 2001. P. 226–240.

9. *Kreiswirth M.* Narrative Turn in the Humanities // Routledge Encyclopedia of Narrative Theory. Eds. David Herman, Manfred Jahn and Marie-Laure Ryan. London and New York: Routledge, 2005.
10. *Lawrence-Lightfoot S., Davis, J.* The art and science of portraiture. San Francisco: Jossey-Bass. 2002.
11. *Point of Theory: Practices of Cultural Analysis.* Ed. by Mieke Bal and Inge E. Boer. New York: Continuum. 1994.
12. *Prince G.* Revisiting Narrativity / Grenzüberschreitungen: Narratologie im Kontext = Transcending boundaries: narratology in context/ Ed. Grünzweig W, Solbach A. Tübingen: Gunter Verlag, P. 43–51.
13. *Richardson L.* Narrative and sociology. / Representation in ethnography. Ed. J. Van Maanen. Thousand Oaks: Sage. 1995. P. 198–221.
14. *Ricoeur P.* *Time and Narrative*, translated by Kathleen McLaughlin and David Pellauer, (Chicago: University of Chicago Press). vols. 3. 1984–1988.
15. *Saldana J.* Ethnodrama: An anthology of reality theatre. Walnut Creek, CA: Altamira. 2005.
16. *Turner M.* Literary Mind. New York: Oxford University Press. 1996.
17. *White H.* The Content of the Form: Narrative Discourse and Historical Representation Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press. 1987.

References

1. *Barbashishina, E.V.* (2023). «Narrativnaya paradigma» W. Fishera v kontexte razvitiya narrativnih issledovaniy [«Narrative Paradigm» by W. Fisher in the Context of the Development of Narrative Studies] *Filosofiya nauki* [Philosophy of Science]. No 3. 57–70.
2. *Wittgenstein, L.* (1994). *Filosofskiye issledovaniya. Chast' I* [Philosophical Investigation. T. I]. [In Rus.].
3. *Savchuk, V.V.* (2010). *Metafora povorota v filosofii* [Metaphor of Turn in Philosophy]. *Filosofiya nauki* [Philosophy of Science]. No 10. 135–149.
4. *Trotsuk, I.V.* (2004). *Narrativ kak mezhdisciplinarniy metodologicheskiy konstrukt v sovremennih social'nykh naukakh* [Narrative as an Interdisciplinary Methodological Construct in Modern Social Sciences]. *Vestnik RUDN, ser. Soziologiya* [Herald of RUDN, ser. Sociology]. No 6–7. 56–74.
5. *Bruner, J.* (1987). *Actual Minds, Possible Worlds.* Cambridge: Harvard University Press.
6. *Chase, S.* (2018). *Narrative Inquiry: Toward Theoretical and Methodological Maturity* / N. Denzin, Y. Lincoln eds. *The SAGE Handbook of Qualitative Research.* Los Angeles, London, New Delhi, Singapore, Washington DC, Melbourne: SAGE Publications.
7. *Frassen, B.* (1991). *Time in Physical and Narrative Structure / Chronotypes: The Construction of Hme*, Ed. Bender J. Wellbery D., Stanford, CA: Stanford University Press. 19–37.
8. *Gudmundsdóttir, S.* (2001). *Narrative research on school practice / Handbook of research on teaching.* Ed. V. Richardson. Washington, DC: American Educational Research. 226–240.
9. *Kreiswirth M.* (2005). *Narrative Turn in the Humanities // Routledge Encyclopedia of Narrative Theory.* Eds. David Herman, Manfred Jahn and Marie-Laure Ryan. London and New York: Routledge.

10. *Lawrence-Lightfoot S., Davis, J.* (2002). The art and science of portraiture. San Francisco: Jossey-Bass.
11. *Point of Theory: Practices of Cultural Analysis.* (1994). Ed. by Mieke Bal and Inge E. Boer. New York: Continuum.
12. *Prince, G.* (1987). Revisiting Narrativity / Grenzüberschreitungen: Narratologie im Kontext = Transcending boundaries: narratology in context/ Ed. Grünzweig W, Solbach A Tübingen: Gunter Verlag, 43–51.
13. *Richardson, L.* (1995). Narrative and sociology. / Representation in ethnography. Ed. J. Van Maanen. Thousand Oaks: Sage. 198–221.
14. *Ricoeur, P. Time and Narrative*, translated by Kathleen McLaughlin and David Pellauer, (Chicago: University of Chicago Press). vols. 3. 1984–1988.
15. *Saldana, J.* (2005). Ethnodrama: An anthology of reality theatre. Walnut Creek, CA: Altamira.
16. *Turner, M.* (1996). Literary Mind. New York: Oxford University Press.
17. *White, H.* (1987). The Content of the Form: Narrative Discourse and Historical Representation Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press.

Информация об авторе

Барбашина Эвелина Владимировна. – Новосибирский государственный медицинский университет (630099, Новосибирск, Красный проспект, 52);
Институт философии и права СО РАН (630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8)
linaba@mail.ru

Information about the author

Barbashina, Evelina Vladimirovna. – Novosibirsk State Medical University (52, Krasnyy av., Novosibirsk, 630099, Russia);
Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (8, Nikolaev st., Novosibirsk, 630090, Russia).

Дата поступления 07.06.2024